

Влияние традиционной крестьянской культуры на становление рыночных отношений на селе

Проведение аграрной реформы в условиях социокультурного кризиса столкнулось с массой сложностей, проблем и противоречий. Это связано, с одной стороны, с тем, что поведение сложившихся групп сельского населения определяется установками, традициями, стереотипами, которые противоречат рыночным структурам, с другой стороны, с тем, что сопротивление крестьянства чуждой им культуре и трансформация ценностей этой культуры в соответствии со своими представлениями и интересами - имманентная черта крестьянского мира. В связи с этим в ходе конкретных социологических исследований мы рассматривали устойчивые феномены общественного сознания крестьянства, которые либо вступают в противоречие с процессами модернизации в аграрной сфере, либо растворяют эти процессы в традиционной культуре, ограничивая их рамками собственных нужд и идеалов.

У историков культуры и этнографов под традиционной культурой понимают все то культурное содержание, которое передается устно.¹ Необходимо оговориться о различии терминов "крестьянская культура" и "культура крестьянства", которые вводятся в научный оборот. Под "крестьянской культурой" мы понимаем традиционную культуру современного села, а под "культурой крестьянства" - продукт взаимодействия двух культур - традиционной и урбанистической.

Вообще, крестьянская культура - явление уникальное. Отправной пункт крестьянского культуротворчества - цепкое удержание типического в его взаимодействии с историческим, что и придает культуре крестьянства образ живой памяти. "Культура - это память... - пишет Д.С.Лихачев. - У всех народов мира крестьянские культуры древнейшие, обладающие к тому же очень надежной "системой памяти"... Все хорошее не забывалось, а передавалось из поколения в поколение, снова и снова проверялось опытом и становилось традицией. Так во всем, будь-то земледельческие знания, например, медицина или художественное ремесло."²

В культуре, где память является важнейшим средством познания, традиция неизбежно становится нормативным актом. Чем более прочный и устойчивый характер носит традиция, тем на более узком и социально ограниченном пространстве она проявляется. Это четко устанавливается и во владении практическими навыками, в социализации индивида, и в наследовании духовного богатства знаний, ценностей. Определяющим типом культурной коммуникации было неинституционализированное, непосредственное общение между поколениями живущих рядом людей.

¹ Добровольский К. *Традиционная крестьянская культура/ Великий незнакомец* Энциклопедия крестьянства. М., 1993.-С.196.

² Лихачев Д.С. *Память культуры и культура памяти.//Юный художник.-1983.-* №8.

Элементы народной культуры - обряды, обычаи, фольклор и т.д. - поддерживались и сохранялись посредством естественных способностей каждого человека (памяти, устной речи), не требовали специальной подготовки и носили устойчивый характер. Необходимо подчеркнуть, что через систему традиций, обычаев каждый народ воспроизводит себя, свою духовную культуру, свой характер и психологию в ряду сменяющих друг друга поколений.

Крестьянство, обладая возможностью сохранять независимость от социальной и исторической среды, сопротивляется влиянию других социальных групп и, тем более, тем реформам и нововведениям, которые не соответствуют его интересам, противоречат его системе ценностей. Это связано также с тем, что, люди, счастливо живущие в единственной культуре, с меньшей вероятностью могут стать новаторами, т.к. слишком многое принимают как само собой разумеющееся.³

Д.Скотт, рассматривая формы сопротивления крестьянства на обширном историческом материале, разбил их на две группы: первую, относящуюся к сфере хозяйствования и социального поведения и вторую, связанную с сопротивлением в сфере культуры и включающую в себя локализацию, синкретизацию, профанацию.⁴

Эти формы сопротивления получили свое выражение в культуре советского крестьянства, особенность которой в соединении социокультурной традиции общины с пролетарскими идеалами, привнесенными в деревню вместе с индустриальной технологией, организацией управления, основанного на насилии, ложной демократией и т.п., породившими конформизм, тенденцию к ситуативному поведению, отягощенность догмами и различными идеологическими штампами, социальную агрессивность.

В настоящее время культура села представляет собой совокупность архаичных элементов традиционной крестьянской культуры и результатов трансформированных продуктов урбанистической культуры, основным каналом трансляции которых в деревню являются средства массовой информации.

Существует мнение, что переход к рыночной экономике в России будет намного легче, чем переход от аграрного к индустриальному обществу, что устранены различия между городской и деревенской традиционной культурой, и что была предотвращена массовая маргинализация населения. Мы же считаем, что традиционная крестьянская культура, пусть трансформировавшись, видоизменившись, существует в наши дни, и исходили из гипотезы, что стабильное деревенское население, как носитель традиционной деревенской культуры, сопротивляясь новым, непонятым и не свойственным для нашей цивилизации введениям (фермерство, частная собственность на землю с правом купли-продажи) будет легко осваивать более традиционные формы жизнедеятельности в новых условиях.

³ См.: Park Robert E. *Race and Culture*.-Glencoe, 1950, pp. 3-52.

⁴ Скотт Д. *Этика выживания// Великий незнакомец. Энциклопедия крестьянства*.-М., 1993.-С.136.

При этом скорее новые ценности и социальные отношения в условиях экономического и социокультурного кризиса могут быть отвергнуты обществом ради возврата к самым традиционным ценностям, уравнильным, натурально-хозяйственным отношениям.⁵

Так, например, с конца XIX в. в России наблюдалась существенная активизация общинных отношений, что и было ответом основной части крестьянства на усилившуюся после 1861 г. угрозу традиционному образу жизни.⁶

Советская история также изобилует примерами, когда новое явление, насаждаемое управлением сверху и ставящее целью модернизацию сельского хозяйства, получало старое содержание, утопало в коллективной безответственности.

Сегодня мы наблюдаем перемены радикальною, революционного характера, связанные с восстановлением частной собственности на землю. Однако, факторы личной заинтересованности, конкуренции, угрозы банкротства не работают на российской почве, механизм сопротивления оказывается слишком сильным. Мы разделяем мнение В.Ядова о том, что наиболее адекватна происходящим в стране изменениям концепция запаздывающей или рецидивирующей модернизации, где сделан акцент на особенности социокультурной организации общества⁷, в которой выделяются две составляющих - этнонациональные особенности народов и особенности социального характера советского человека.

Мы также выделили два блока в нашем исследовании: связанный с традиционным сопротивлением крестьянской культуры и обусловленный влиянием ценностей субкультуры советского социалистического периода.

Итак, первый раздел исследования связан, в первую очередь, с ценностями традиционного образа жизни, содержание которых обусловлено тем, что традиционная культура земледельческого общества - культура непрерывная и неизменная по оси времени, проходящая через бесконечную череду сменяющих друг друга поколений - культура локализованная, обособленная и замкнутая в пространственном измерении социального целого.

У сельских жителей как носителей локальной, по происхождению доклассовой традиции, всегда есть особые ценности, которых нет у представителей универсальной культуры, и которые они им противопоставляют. В России - это традиционные ценности общины, усиленные и утрированные в ходе социалистического строительства.

Известно, что хозяйственная жизнь народа, быть может, сильнее природы и крови определяет его психический мир. В этом отношении история русского хозяйства, история русской общины представляет собой парадоксальное явление, сформировав и закрепив тот тип русского крестьянина, который сильнее всего окрашивает тип национальный⁸.

⁵ Ахиезер А.С. *Социокультурная динамика России*//Полис -1991.-№5.-С.53-54.

⁶ Данилов В.П. *Аграрная реформа и аграрная революция в России*//Великий незнакомец.-Там же -С.319

⁷ Ядов В.А. *Личность в условиях модернизации*//Человек, 1991, №3. С.6.

⁸ Федотов Г.П. *Судьба нашей духовной культуры*//Диалог.-1991.-№18.-С.39.

Общераспространенное мнение состоит в том, что в конце XIX - XX вв. крестьянская община в России была пережитком.

Но парадокс русской истории состоит в том, что этот пережиток был связан с жизнью широких народных масс, более того, отстаивался в борьбе с реформаторами, а также частично исправлялся и совершенствовался применительно к требованиям экономики и новым взглядам на жизнь.

Этика выживания, сложившаяся в XIX в. у русского крестьянства, была следствием жизни на пределе. Существовало множество социальных приемов, которые позволяли выжить всем семьям общины. Образцы взаимопомощи, вынужденная щедрость, общинная земля и разделение труда помогали выровнять неизбежные провалы в семейных ресурсах, которые в противном случае должны были столкнуть семью ниже уровня выживаемости.

Пережитки этого мы встречаем в разнообразных формах общения современного крестьянства. Более 70% опрошенных показывают, что в селах до сих пор сохранились обычаи совместного выполнения некоторых работ (строительство дома, забой скота и т.д.). Причем 33% опрошенных полагают, что помощь при этом оказывается бескорыстно. Система соседской взаимопомощи составляет важный элемент сельской жизни. На вопрос "С чем связано оказание односельчанами помощи друг другу", 35% ответили, что эта помощь оказывается по-соседски, 21% - по-родственному, 10% - в нашем селе так принято. Определяющим типом культурной коммуникации было и остается неинституционализированное, непосредственное общение между поколениями живущих рядом людей. Соседи, независимо от того, родственники они или нет, стремятся к созданию неформальных групп для совместного отдыха и бесед, общения и времяпровождения. Подавляющее большинство опрошенных - 89% - показывают, что они предпочитают близкие, дружественные отношения с соседями.

Многочисленные и прочные взаимоотношения как между хозяйствами, так и между отдельными людьми образуют родственные связи, поскольку родство представляет собой как наиболее глубокий, так и наиболее распространенный тип социальных отношений. В своей жизни на поддержку родственников и друзей, рассчитывают примерно 81,7% респондентов.

При принятии важных решений за советом в первую очередь обращаются к родителям 27% опрошенных, другим родственникам - 7%, друзьям - 11%. Поэтому велика зависимость от ближайшего социального окружения, от общественного мнения села. 66% (1991), 40% (1992 г.) считают], что "поступать всегда надо так, чтобы тебя не осудили люди". В системе ценностей современного крестьянства "уважение людей" стоит неизменно на 1-3 местах. В условиях социального контроля в деревне наиболее значимыми личностными качествами являются именно те, которые позволяют индивиду существовать в закрытом, локальном сообществе - доброта (40% опрошенных) верность (39%), вежливость (37%), порядочность (30%), готовность помогать другим (28%). Поэтому в среде сельских жителей более предпочтительными качествами человека

являются скромность - 28%, выдержка - 23%, а не качества, свидетельствующие о мере индивидуальности личности самостоятельность - 20%, инициативность - 4%, достоинство - 5%.

Традиционное крестьянское сообщество характеризуется и нетоварным производством. Подавляющее большинство сельского населения (81%) редко или совсем не продают продукцию ЛПХ. И, несмотря на значительное ухудшение общей экономической ситуации, у 53% крестьян это хозяйство и объем производимой продукции в течение нескольких лет не менялись. Т.е., большинство населения удовлетворено собственными усредненными доходами, что связано с минимизацией потребностей, выработанной в ходе реализации практики социальной утопии.

Мы согласны с исследователями, которые характеризуют русский национальный характер прежде всего как нерыночный⁹. Земля не воспринимается как основа товарного хозяйства даже фермерами, да и число желающих получить землю в частную собственность не превышает 50%. (см. табл.1)

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: "Хотели бы Вы получить землю в частную собственность?" (в %% к числу опрошенных)

	1992 г.	1993 г.	1994 г.
Да	26	42	47
Нет	55	36	35
Затрудняюсь ответить	15	22	17

Крестьянский консерватизм связан с самим характером жизнедеятельности земледельца, его человеческой привязанностью к земле вообще и лучшей адаптацией к тем формам общественной организации хозяйства, которые "оберегают" эту привязанность, пусть даже в ущерб экономическому прогрессу. Любые новации воспринимаются навязанными сверху, выгодными в первую очередь начальству, государству, поэтому 67% не одобряют реорганизацию. Большинство респондентов считают наиболее эффективной формой организации производства колхоз (табл.2).

⁹ Егоров Ю. *Аграрная реформа: уроки прошлого и современность*//Свободная мысль. 1993- №6.; Смирнов П.И. *Движение России к рыночной цивилизации и русский национальный характер*//Вестник Ленинградского университета. Сер.6, вып.3. 1991.

Распределение ответов на вопрос о наиболее перспективных формах организации производства (в %% к общему числу опрошенных)

	1993 г.	1994 г.
Колхоз, совхоз	36,7	54,4
Товарищество	33,0	20,7
Фермерство	14,6	15,2
Трудно сказать	17,7	9,7

А новые формы коллективного хозяйствования (товарищества, акционерные общества) мало чем отличаются от колхозов советского периода. Сами крестьяне (45%) отмечают, что в ходе реорганизации [фактически ничего не изменилось, или что это всего лишь смена вывески (48%)]. Для основной массы сельских жителей - акционерное общество, товарищество - это еще одна возможность удержаться в рамках привычных коллективных форм хозяйствования, ничего не меняя в своей жизнедеятельности принципиально. Жизнь миром, коллективом по-прежнему важна для сегодняшнего крестьянина.

Основная ценность общины - Справедливость, понимаемая, в том числе, и как имущественное равенство, поскольку Богатство, Накопительство, не вписывались в систему жизненных ценностей крестьянства. Это скорее были отрицательные ценности. Образ бедняка больше согласовывался с народным идеалом. Устойчивый характер получило нестяжательство, суть которого в преобладании духовно-нравственных мотивов жизненного поведения и труда над материальными интересами. ("Лишнего не бери, карман не дери, души не губи"). Утвердившийся принцип скромного достатка, осуждая жадность, скупость, снисходительно относился к беднякам и симпатизировал им. В системе неразвитых рыночных отношений иначе и быть не могло. Простой русский человек не имел пристрастия к собственности: он равнодушно терял то, что только что нажил, в надежде нажить завтра опять. Наблюдая жизнь русских крестьян в 60-е гг. XIX века Гакстгаузен отмечал, что нигде собственность не находится в таком шатком положении и не подлежит таким частым колебаниям, как в России: "Русский человек легко дает, легко и берет... Сегодня богат, завтра беден! Тут богатеют и

разоряются почти одновременно, надувают и попадаютя впросак, воруют одной рукой и дарят другой"¹⁰.

Отрицание собственности в советское время усилило эти регрессивные черты в образе мысли сельчан. Для большинства сельского населения неприемлем тип корыстолюбца. Для них характерно осторожное отношение к зажиточным людям. Не случайно сами наши респонденты себя и свою семью к таковым не относят.

Лишь 6% опрошенных считают свою семью зажиточной или выше среднего уровня, только 14% увеличивали за последние два-три года ЛПХ с целью получения дополнительных денежных доходов. Ценности Западной цивилизации (Собственность, Богатство, Хозяйство) не укоренены в общественном сознании крестьян. Только для 3% опрошенных очень важно быть настоящим хозяином, а для 80% - не важно или совсем не важно быть богатым.

Как и любое традиционное общество, крестьяне сейчас, скорее предпочитают жизнь, которую могли бы контролировать благопристойное семейное процветание в кругу таких же благопристойных процветающих, хорошо знакомых соседей, и все это на одном месте. Не случайно 50-60% отвечают, что они живут как все, что уровень жизни у односельчан одинаков. При этом последние исследования выявляют недовольство значительной части населения в связи с увеличением различий в благосостоянии отдельных групп. Больше всего современное крестьянство обеспокоено возможностью появления очень богатых и очень бедных семей (58%). В условиях бессилия закона, безраздельного господства эгалитарной идеологии богатство отождествляется либо с преступлением, либо с эксплуатацией. Не случайно 83% не видят возможности честным, законным путем стать богатым. Поэтому богатые воспринимаются как "зло", становятся объектом зависти. 50% опрошенных сельчан прогнозируют, что отношение к зажиточным людям будет преимущественно отрицательным и завистливым. В связи с этим возрастают требования к государству жестче контролировать законы.

Выделение возрастных групп показало, что межпоколенные различия не существенны, ответы различных поколений на многие вопросы практически идентичны. Особенно это касается тех сторон жизни, которые связаны с социально-духовной сферой.

Второй блок исследования связан с изучением особенностей социально-психологического строя советского человека. Здесь надо отметить, что общинное, азиатское начало выделяется в "гомо советикус" как социальном типе больше, чем тогда, когда оно непосредственно господствовало в русской культуре¹¹.

Переворот 1917 г., разгул насилия и хаоса, прокатившиеся по России в последующие годы, вновь "усреднили", выровняли крестьянское сообщество. Революционно проведенная атака на крестьянство в 1918 г. нанесла аграрному сектору страны непоправимый урон. Был уничтожен

¹⁰ Гакстгаузен А.Н. *Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России.*-М., 1870.-С.55.

¹¹ Заславский В.Г. *Россия на пути к рынку: государственно-зависимые работники и популизм//Полис.*-1991 -№5.-С.48.

наиболее культурный слой земледельцев, подорван уровень агрокультуры, разрушены хозяйственные и рыночные связи. В итоге усилилась тяга крестьян к кооперации своих сил, опять стали проявляться общинные тенденции в быту, взаимодействии с внешним миром. К 1927 г. община охватывала 95,5% крестьянских земель¹².

К началу сплошной коллективизации крестьянство России не знало ни экономической, ни социальной стабильности. Как писал В.Г.Тан-Богораз, организовавший тогда этнографическое исследование, "в минувшие годы разрухи российская деревня как бы пережила 17 и 18 века". Поэтому оно волей-неволей держалось за общинные установления, дающие некоторую опору в жизни.

Далее началась реализация одномерной универсальной схемы экономической жизни на селе, состоящей, возможно, на 3/4 из противоестественных природе человека связей и норм. При этом внедряемые проекты оказались "прирученными" установлениями, господствовавшими в культуре данного общества в предыдущие эпохи.

Русский крестьянин в массе своей не был товаропроизводителем, не имел опыта самостоятельного, экономического, т.е. полностью ориентированного на рынок хозяйствования. И это а полной мере было использовано властью в период массовой коллективизации. Последняя опиралась не только на прямой террор государства против крестьянства, но и на психологию беднейшей его части. В процессе коллективизации и раскулачивания погибла экономически наиболее жизнеспособная часть сельского населения. В этом смысле коллективизация явилась победой натурального хозяйства над товарным.

Революционные годы, голод 1921, 1932-1933 гг., сплошная коллективизация, потери в Великой Отечественной войне принесли российскому крестьянству физическое истребление. Процесс деградации села продолжался в процессе политики ограничения ЛПХ, освоения целинных земель, ликвидации бесперспективных деревень и других больших и малых "начинаний".

Закрепление личности в привычных жестких, хотя видоизмененных структурах - колхоз, государство - способствовало усилению, разрастанию регрессивных черт соседско-общинной морали. Усиливалось то, что Бердяевым было названо "болезнью русского нравственного сознания", заключающейся в отрицании личной нравственной ответственности и личной нравственной дисциплины, в слабом развитии чувства долга и чувства чести.

После десятилетий коммунистической модернизации у населения нашей страны обнаруживаются определенные, глубоко укоренившиеся традиции и взгляды, которые были проанализированы в целом ряде социологических исследований, предпринятых еще в Советском Союзе. В этом отношении эффективна концепция особого социального типа работника с его твердо усвоенными нормами поведения в сфере производства, распределения, обмена и потребления¹³.

¹² Данилов В.П.-Указ.соч.-С.319.

¹³ Заславская Т.И. Новосибирский доклад.- 1984.-С.105.

Основной социальный тип работника, сложившийся в ходе советского образа жизни, ею психология будут одним из основных тормозов аграрной реформы. Колхозный строй, вызвавший раскрестьянивание и люмпенизацию сельского населения, полностью разрушил крестьянскую трудовую этику, а новая основана скорее на уклонении от работы, чем на дисциплине и продуктивности, на пренебрежительном отношении к труду в государственном секторе, на неспособности проявлять инициативу. Исходным для нее стало отчуждение труженика от земли, что привело к утере хозяйской мотивации и самооценности труда¹⁴.

Социально-профессиональные изменения, происходившие в сельской среде, также отражались на характере социального поведения всех сельских слоев, в том числе на характере трудовой деятельности. Ф.А.Абрамов еще в 1979 г, с горечью размышлял о том, что труженика и рачительного хозяина вытесняет равнодушный работяга, колымщик, что "...все больше выветривается любовь к земле, к делу, теряется уважение к себе"¹⁵.

Парадоксально отношение к производимой продукции: халатное, безразличное, как к ничьей, когда речь шла об ее сохранности, улучшении ее качества, и как к своей личной при совершении хищений с полей, ферм, складов. Сами сельчане говорят, что воровство в колхозе вошло в норму, не осуждается и не считается дурным поступком.

В ходе интервью 37% опрошенных показали, что работают в колхозе, не особенно себя утруждая, и что работа дома, на себя, в рамках ЛПХ значительно интенсивнее. Вообще, анализ деятельности в ЛПХ дает несколько иное представление о социально-психологическом состоянии крестьянства. Здесь необходимо учитывать мотивацию, побуждающую к активному труду: производство продуктов питания для семьи, стремление повысить уровень доходов, недостаточных для поддержания семьи.

Современной крестьянской среде присущ так называемый социально-экономический инфантилизм - уверенность в неограниченных финансовых и материальных возможностях государства, которое обязано удовлетворять потребности граждан. 53% не идут в фермеры, т.к. нет помощи со стороны государства и местных властей. При ответе на вопрос "Что могло бы существенно улучшить положение Вашей семьи?" 44% отвечали, что надо требовать справедливой оплаты труда от государства, игнорируя пункты, которые характеризуют мотивацию достижения и участия (больше зарабатывать на своем рабочем месте, работать по совместительству, расширять ЛПХ, заводить фермерское хозяйство и др.). 82% опрошенных считают, что правительство виновато в том, что стало слишком много бедных; что государство должно помогать гражданам преодолевать жизненные, экономические невзгоды.

Выделенные нами типологические группы консерваторов и пассивно выжидающих, по сравнению с активными сторонниками и участниками реформы, оставляют подавляющее большинство сельского населения.

¹⁴ Майминас Е.З. *Этика труда и отечественная культура. Материалы круглого стола//Вопросы философии.-1992,-№1.-С.5.*

¹⁵ Абрамов Ф. *Собр.соч. Л., 1982.-Т.3.-С.669-670.*

Группа консерваторов характеризуется ярко выраженной отрицательной реакцией на всякого рода изменения. Это, как правило, люди среднего и старшего поколения, идеологически и морально сформированные прежней системой общественных отношений, полностью адаптировавшиеся к ней, имеющие льготы в виде высокого социального или властного статуса и высоких доходов. Активное противодействие в начале преобразований, с нарастанием социально-экономических факторов, делающих процесс необратимым, постепенно принимает форму пассивного неприятия преимущественно у людей пожилого возраста, в то время, как среднее поколение делает попытку приспособиться к новым условиям. Самая многочисленная типологическая группа занимает промежуточное положение между активными сторонниками и консерваторами и характеризуется отсутствием каких-либо ярко выраженных реакций на проводимые изменения в социально-экономических условиях. Они занимают пассивно нейтральную позицию, не идентифицируя возможные результаты реформы со своими потребностями и интересами. Субъекты данной группы имеют смутное представление о рынке, проводимых реформах и своем месте в этом процессе. Прежняя система общественных отношений устраивала их своей стабильностью. Не случайно 58% опрошенных в числе ведущих жизненных ценностей называют уверенность в завтрашнем дне. Испытывая некоторый психологический дискомфорт из-за неопределенной ситуации, они не являются ни явными сторонниками, ни явными противниками реформ.

Очень ярко проявляется и зависимость от социума, ближайшего окружения. Нежелание организовывать фермерское хозяйство 39% объясняют отсутствием поддержки со стороны односельчан и силой привычки. Мифологемы, господствующие в общественном сознании крестьян, позволяют предположить, что действительное преодоление социальных стереотипов (на уровне культуры) будет идти очень медленно. В феврале-марте 1992 г. переход к рыночной экономике как шаг вперед расценили лишь 21% респондентов. Около 28% считают его отходом от социалистического пути и 42% видят в нем причину экономического кризиса, тормоз на пути экономического развития страны. Административно-принудительные методы, к которым продолжают обращаться власти, усугубляют ситуацию, формируя пассивно-негативную реакцию большинства сельского населения на любые, даже самые необходимые и прогрессивные нововведения. Так, по данным анкетирования, назревшей необходимостью реформы считают лишь 12% опрошенных, в то время как 31% расценивают ее как очередной эксперимент и 47% считают ее вредной затеей.

Эти цифры, как нам кажется, ярко демонстрируют отсутствие субъективных предпосылок для радикальных мер. В большинстве своем крестьянство остается инертно-консервативным, и даже при осознании необходимости социально-экономических перемен в условиях жизни приемлема лишь постепенный и последовательный характер их проведения. Мы полагаем, что действие закона исторической преемственности культуры накладывает отпечаток на все процессы, в которые включены отдельные индивиды и социальные группы.

Религиозно-нравственная культура крестьян долго сопротивлялась коллективным формам организации труда и быта, сознание современных крестьян с трудом осваивает перспективу автономной, оторванной от коллектива жизнедеятельности. Работа в коллективном хозяйстве представляется более ценной, чем самостоятельное хозяйствование, из-за постоянного заработка (40%), из-за отсутствия угрозы потерять работу (25%).

Для большинства населения - работа по найму - это эксплуатация, понятие, которое носит негативный опенок, поэтому 40% опрошенных не приемлют работу по найму для себя ни при каких условиях (см. табл.3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: "Смогли бы Вы пойти в работники к зажиточным людям?" (в % к общему числу опрошенных)

	1992 г.	1993 г.	1994 г.
Да, при определенных условиях	32	40	50
Не пойду ни при каких условиях	47	44	37
Трудно сказать	20	15	13

У большинства крестьян сохраняются ценности, базирующиеся на социальном опыте предыдущих общественных отношений даже тогда, когда эти отношения достигают определенного кризисного состояния.

Социокультурная традиция советской эпохи переносит ответственность на социальную общность и государство, нивелирует индивидуальную инициативу, предполагает господство уравнительности в распределительных отношениях, умаляет значение производственной активности в пользу потребительски-распределительной. Как следствие - количество желающих открыть свое дело не превышает 30%, а количество желающих уже сейчас работать в фермерском хозяйстве составляет всего 10%.

В целом задуманная у нас экономическая реформа оказалась чревата колоссальным "эффектом бумеранга": вместо ожидаемого "среднего класса" она пока умножила ряды пролетариата - в смысле массового культурного, социально-экономического и государственного отщепенчества.

Не случайно 45% и 34% не желают, чтобы их дети унаследовали их имущественный и социальный статус, соответственно- Лишь 17% удовлетворены условиями своего труда и 8% - доходами. Ныне, ощутив на себе шоковую терапию, многие испытывают ностальгию по прежним временам, в том числе и непосредственно предшествовавшим обвальному росту цен. При этом из памяти как бы вымываются негативные оценки и настроения того периода.

Важное место в традиционной культуре занимает религия.

В основе всякой культуры, особенно в рамках традиционного общества, лежит религия, поэтому вопрос о соотношении культуры и религии, культурных и религиозных ценностей занимал в нашем исследовании особое место.

В советское время религия рассматривалась как "досадный пережиток", не имеющий социальных корней; более высокий уровень религиозности сельских жителей объяснялся, как правило, низким образовательным уровнем, недоразвитием материально-технической, материально-вещественной базой села. Процесс переосмысления этой проблемы в настоящее время иногда происходит как простая смена знаков.

Здесь важно иметь в виду, что религия всегда занимала значимое место в духовном мире крестьянина; формировала определенный тип нравственности в традициях христианской морали, была регулирующим моментом социальных связей на селе.

Многие представители русской философской мысли отмечали, что "наиболее глубокая черта русского народа есть его религиозность",¹⁶ "живая преданность своей церкви"¹⁷.

Однако при детальном рассмотрении источников обнаруживается масса противоречий. С одной стороны - искание абсолютного добра и абсолютной правды, теплящаяся перед иконой лампада, аскетизм подвижников. С другой - чисто внешний, не глубокий характер религиозного чувства. По мнению Н.Бердяева, "Россия - страна крестьян, ничего не желающих, кроме земли, и принимающих христианство чисто внешне и корыстно"¹⁸, что подтверждают и частные, например, этнографические, исследования жизнедеятельности русского крестьянства¹⁹.

Сейчас, однако, мы можем сказать, что разрушая церкви, отрекаясь от Бога, крестьянин терял те нравственные ориентиры, которые помогали ему жить. Насильственное насаждение атеизма породило безверие ко всему и - освобожденный от религии человек семимильными шагами пошел не

¹⁶ Лосский И.О. *Характер русского народа//Философия и жизнь. Знание.-М., 1991.-N2.-С.35.*

¹⁷ Гакстгаузен А.Н. *Исследование внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. М., 1870.-С.48.*

¹⁸ Бердяев Н. *Судьбы России.-М.: "Мысль". 1990.*

¹⁹ Эртель А.И. *Записки степняка. О крестьянстве Черноземья,-Воронеж, 1958 - С.34.; Степняк-Кравчинский С.М. В лондонской эмиграции.-М., 1968.-С.16.*

вперед, к царству разума, свободы, равенства и братства, ..., а назад, к временам пещерного быта и звериных нравов..."²⁰.

Примечательной особенностью жизни российского общества в последнее время стало значительное увеличение числа верующих и рост симпатий к религии. Противоречивость религиозной ситуации в России в том, что при внешнем росте религиозности и ослаблении позиций безверия, усиление "прорелигиозных" устремлений опережает рост самой веры, что сопровождается издержками своеобразного религиозного бума.

Рассмотрим на примере нашего объекта проблемы, связанные с возрождением религиозных ценностей. Исследования, проведенные в 1991 г. в Аркадакском районе показали, что религиозное население (группы "верующие" и "колеблющиеся") составляет 46% опрошенных. Исследования 1992 г., 1993 г., проведенные в разных районах Саратовской области ИСЭП АПК РАН, и исследования 1994 г. выявили до 60% людей, считающих себя верующими.

Более глубокое изучение уровня религиозности, которое основано на целом ряде показателей, характеризующих религиозное сознание и поведение человека, показало, что сама религиозность носит неглубокий или, как говорил Н. Бердяев, чисто "внешний" характер. Так, если религиозные праздники (Рождество, Пасху, Троицу) справляют 95% опрошенных, иконы и религиозные книги имеют 43% респондентов, то церковные заповеди знают лишь 8% крестьян, 40% знают лишь некоторые из них. Соблюдают в жизни эти заповеди: строго - 3%, по мере возможности - 25%, иногда соблюдают - 27% опрошенных.

Можно сказать, что участие в религиозных праздниках имеет в большинстве случаев не религиозную мотивацию, т.к. смысл и значение многих обрядов и символов не знакомы. Наиболее ярким проявлением поверхностного характера религиозного чувства в настоящий момент, по нашему мнению, является система жизненных ценностей. Вера в Бога занимает предпоследнее место в иерархии данной системы. Лишь 8% опрошенных считают веру в Бога важной жизненной ценностью, тогда как материальное благополучие - 46%, уважение людей - 52% анкетированных.

Тем не менее, в настоящее время село переживает религиозное возрождение. Идет активное восстановление храмов. 81% опрошенных сельских жителей ответили, что оказали бы помощь в случае строительства или ремонта церкви. Причем даже из числа неверующих 73% сделали бы это. Существенный фактор повышения религиозности - повсеместно ощущаемая необходимость преодолеть бездуховность, нравственный кризис, охвативший общество.

Имеет смысл сказать о разной степени религиозности в различных типах поселений, связанной, на наш взгляд, с коллективной памятью поколений. В ходе исследования выявилось, что, например, в деревне Земляные Хутора Аткарского района, где церковь была построена в 1826 г. силами и средствами прихожан, где с 1874 г. существовала церковноприходская школа, подавляющее большинство населения относит себя к

²⁰ Изгоев А.С. Социализм, культура, большевизм//Из глубины. Сб. статей о русской революции. Изд-во Московского университета С.П.Ост-Вест Корпорейшн. 1990.-С.157.

группам верующих и условно верующих, отмечает религиозные праздники, знает содержание церковных заповедей. В новых селах, где живут мигранты, приезжие из других районов области, городов, областей религиозное население составляет всего 25-30%.

Нельзя не отметить и возросшую тягу к нетрадиционным верованиям, к разного рода магии, к колдовству и т.д. при том, что элементы мистического сознания всегда были распространены в сельской среде, а элементы язычества и христианства были перемешаны в обрядности крестьянской общины²¹.

Интересно, что мистика особенно распространяется во времена духовных кризисов, разломов общественного бытия. Так, языческие компоненты сознания настойчиво давали о себе знать в духовных процессах послереволюционной деревни²².

Подобная ситуация наблюдается и сейчас. Возросла тяга к нетрадиционной религиозности, вне вероисповедальной мистике, различным проявлениям оккультизма 27%. Таковы противоречия общественной психологии в эпоху кризиса, когда сознание общества становится плюралистически-хаотическим.

Внезапное и массовое обращение вчерашних неверующих к религии лишь подчеркивает поверхностный характер скоропалительного мировоззренческого поворота, весьма далекого от глубинных душевных порывов, идейных исканий, свободно и ответственно осмысленных убеждений.

В целом же можно сделать вывод, что современная крестьянская культура России в основном носит традиционный характер, и преемственность в развитии ценностей - ее основная черта. Интересно, что значимость ценности "материальное благополучие" в последние годы снижается, а таких ценностей как "чистая совесть", "вера в Бога", "уважение людей" - увеличивается, что является показателем отторжения рыночных отношений.

В силу постоянной вынужденности жизни в искусственно созданной, ненормальной ситуации общинный образ жизни современных российских крестьян обладает огромным запасом прочности, усиливающимся в условиях кризиса и лишений. Преобладание традиционных ценностей выживания на минимально достаточном уровне над ценностями достижения и участия, присущими западной цивилизации, позволяет говорить о невозможности радикальных преобразований в деревне в ближайшее время. Однако консерватизм нашего крестьянства носит не только характер тормоза, помехи на пути реформ. Он выступает и как средство удержания общества от хаоса, разрушения, как гарант устойчивости и самосохранения сообщества.

²¹ См. подробнее: Громько ММ. Традиционные нормы поведения и нормы общения крестьян в XIX веке. М., 1986. С. 212.

²² См.: Козлова Н. Как мы делали свой выбор // Свободная мысль. 1991. N 17. С. 69.

Московское отделение Российского Научного Фонда (МО РНФ) - общественная неправительственная некоммерческая организация, ставящая своей целью поддержку общественных наук в России и СНГ. С августа 1991 г. МО РНФ существовало как программа в рамках РНФ, а с января 1993 г. она была юридически оформлена как самостоятельная организация.

Основными задачами МО РНФ являются:

- возрождение лучших традиций российской науки, культуры и образования, основанных на прогрессивных общечеловеческих ценностях;
- развитие творческой активности и научного потенциала;
- широкое распространение общечеловеческих и демократических принципов в сфере науки;
- защита прав и свобод ученых;
- проведение научных исследований в области политологии, экономики, права, истории и социологии в интересах возрождения и развития России в рамках Содружества наций;
- обеспечения эффективного выполнения проводимых научных исследований; международного сотрудничества в области науки и установление тесных научных контактов;
- расширение возможностей для участия молодых ученых в международных научных проектах;
- участие в различных благотворительных и гуманитарных мероприятиях.

В 1995 г. в программах, проводимых МО РНФ, приняли участие около 2000 научных исследователей и целый ряд академических, исследовательских и образовательных организаций России.

МО РНФ поддерживает тесные контакты с рядом американских и западноевропейских фондов по выделению грантов, в число которых входят Фонд Форда, Фонд МакАртуров, Фонд "Евразия", "Айрекс", Исследовательский Совет по общественным наукам и др.

МО РНФ также активно сотрудничает с российскими региональными университетами и множеством независимых исследовательских центров по общественным наукам в России.

Московское отделение Российского научного фонда

Москва, проспект Мира, 36, 2 этаж

тел.: (095) 280-35-26; факс: (095) 280-33-26

электронная почта: mbrsf@glas.apc.org

адрес для корреспонденции: 101000 Москва, Центр, Почтамт, а/я 245